

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МИГРАНТОВ, 1990-е годы. НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Лариса Александровна ГЕРАСИМОВА, младший научный сотрудник Института истории ДВО РАН

Ульяна Борисовна ВЕЛИКАНОВА, Главное управление исполнения наказаний Российской Федерации Министерства юстиции по Приморскому краю (Редакция, к сожалению, не имеет фотопортрета этого автора)

Девиантное поведение, как правило, рассматривается в трудах социологов, либо социальных антропологов. К сожалению, работ, посвященных этой теме, очень мало. Исследуя адаптацию мигрантов, мы пришли к выводу, что без рассмотрения этого аспекта не обойтись.

Проблема девиантности в среде мигрантов обширна и не нова. Она волновала умы таких классиков социологической мысли, как Э. Дюркгейм, А. Кетле, Г. Зиммель, Р. Мертон, П. Сорокин. В СССР значительные заслуги в развитии социологии девиантного поведения в конце 60 — начале 70-х годов XX в. принадлежат академику В.Н. Кудрявцеву, Я. Гилинскому, Б. Левину и др.

Актуальна проблема и для дальневосточных ученых. В советское время в трудах экономистов Лаборатории трудовых ресурсов (г. Хабаровск) была предпринята попытка рассмотреть результаты оргнабора сквозь призму качественного состава рабочих, выявить до приезда и в период адаптации доли лиц с девиантным поведением. По их сведениям, в 1981 г. из устроенных по оргнабору в строительные организации региона 80% были ранее судимы или уволены с предыдущего места за пьянство и/или прогулы¹.

В 90-е годы прошлого столетия были освоены достижения мировой и отечественной социологии. Из узкодисциплинарных (криминологических, наркологических, суицидологических и пр.) исследований отдельных проявлений социальных девиаций выросла и сформировалась специальная социологическая теория — девиантология. Это позволило изучать и объяснять различные формы позитивного и негативного девиантного поведения с общих, системных позиций — как проявления некоторых единых закономерностей и механизмов социального бытия. А так называемое девиантное поведение рассматривается не как патология, но как естественный и необходимый результат эволюции социума². В этот период аспекты преступности в среде мигрантов анализировали Е.А. Мельник³, О.А. Сергеева⁴ и др.

В конце XX в. роль государства в регулировании миграционных процессов резко сократилась. В условиях социально-экономического кризиса изменился характер миграции. На смену плановым переселенцам и рабочим, прибывшим по оргнабору, пришли вынужденные переселенцы и социально-экономические мигранты. Распад СССР внес коррективы и в гражданство мигрантов. В постсоветский период все прибывшие в Приморский край подразделялись на российских граждан и неграждан РФ или лиц без гражданства.

Меняется и география выхода мигрантов. Кроме Казахстана и других областей российского Дальнего Востока в числе регионов-доноров оказались Северный Кавказ, республики Средней Азии, а также Китай, Северная Корея, Вьетнам. За период с 1994 по 1999 г. в Приморье прибыли 345 тыс. чел. социально-экономических мигрантов⁵. Кроме того, осуществлялась нелегальная миграция, вызванная как несовершенством миграционного законодательства, так и причинами, заставлявшими людей покидать места своего проживания.

Еще одной особенностью миграции 90-х годов прошлого столетия можно назвать консолидацию трудовых мигрантов по этническому признаку, в том числе и для совместного ведения бизнеса. К сожалению, предпринимательская деятельность таких мигрантов, как и большая ее часть в России, находилась на грани легальности⁶. Это явление, в совокупности с другими факторами, способствовало формированию преступных группировок, создававшихся по этническому признаку) к примеру, «Азербайджанское сообщество», которое состояло из 21 преступной группировки и насчитывало около 200 чел.). Но чаще всего, как отмечают исследователи и свидетельствует статистика, такие группировки были интернациональными.

Целью этой работы является исследование численности осужденных мигрантов и их социально-демографические особенности, связь между количеством совершаемых ими преступлений и степенью их тяжести, что в дальнейшем позволит рассмотреть и другие аспекты, в частности, возможность оседания «на территории Приморского края таких мигрантов после освобождения». Помимо основных видов источников в статье использовались официальные данные Территориального органа Федерации по делам национальности (ныне ФМС при паспортно-визовой службе МВД РФ); результаты социологического опроса «Мигрант — 2000», проведенного Центром изучения социальной истории и политики ИИАЭ ДВО РАН в марте 2000 г.; официальные данные Государственного управления исполнения наказаний РФ Министерства юстиции по Приморскому краю.

Из всего многообразия аспектов, связанных с девиантным поведением мигрантов, был проведен анализ данных ГУИН (Главное управление исполнения наказаний) по Приморскому краю. В августе 2002 г. Центр изучения социальной истории и политики (ИИАЭ ДВО РАН) совместно с ГУИН организовали заочное анкетирование осужденных. Авторы статьи разработали вопросы и разослали в 24 колонии, располагающиеся в Приморском крае. Ответы пришли из 22-х. Причём из них в 19-ти ИТК отбывали наказание осужденные мигранты.

Объектами внимания стали лица, которые проживали в Приморье до совершения преступления не более 5 лет. Таким образом, были обследованы заключенные, которые прибыли в Приморский край не ранее 1997 г. Общая их численность составила 483 чел. (3,1% от всего числа осужденных, отбывавших наказание в крае). Авторы выбрали именно этот срок, потому что экономисты и демографы считают: для обустройства и начала периода адаптации важны первые три—пять лет.

В 90-е годы XX в. к экономическим мигрантам было привлечено внимание таких органов власти, как МВД, паспортно-визовая служба и ФМС (до ее передачи в состав МВД). Контроль за режимом пребывания осужденных полностью возлагался на управления и отделы внутренних дел городов и районов края и на паспортно-визовую службу. Федеральная миграционная служба предоставляла утвержденные губернатором Приморского края данные об объеме квотируемых рабочих мест для иностранных рабочих по отраслям.

Ухудшение социально-экономических показателей и несовершенство российского законодательства в области налогообложения и предприни-

мательства стали причиной роста преступлений, что послужило одной из причин изменений пенитенциарной системы. Так, в восьми субъектах Дальневосточного федерального округа насчитывается около 70 учреждений ГУИНовского профиля, из них 24 (около 1/3) находятся в Приморском крае. На втором месте по количеству таких учреждений Хабаровский край, на третьем — Еврейская автономная область. Всего на российском Дальнем Востоке отбывают наказание около 52 тыс. осужденных, из них 16 100 чел. (30,7%) (данные на февраль 2003 г.) — в Приморье⁷.

Существует несколько точек зрения на проблему девиантности в среде мигрантов. Классик социологии девиантного поведения Р. Мертон расценивал «отклоняющееся от нормы поведение как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социальными организованными средствами их удовлетворения»⁸. Мы же согласны с Дюркгеймом, который считал, что общество без преступников невозможно⁹. Исследователь О.А. Сергеева утверждает: попадание в инокультурную и иноэтническую среду способствует росту девиантности мигрантов. На наш взгляд, такой подход слишком упрощает понимание самой проблемы антисоциального поведения иммигрантов. Данная точка зрения, безусловно, распространяется на мигрантов, которые в инокультурной среде испытывают дополнительные трудности.

Социологический опрос «Мигрант — 2000» выявил, что 18% респондентов указали причиной приезда в край отсутствие работы или низкие заработки на прежнем месте жительства. К 1999 г. доля лиц, занятых поиском работы, сократилась до 31%, но 53% — беспокоились о своем материальном положении, 35% — хотели приобрести жилье и 14% — получить прописку. Следовательно, в адаптации существовали объективные трудности¹⁰.

Приведем сравнительный анализ двух анкет, о которых упоминалось ранее. В Приморском крае в августе 2002 г. в 19 исправительных учреждениях находились 57,3% (277 чел.) российских граждан и 42,6% (206 чел.) лиц, не являвшихся гражданами нашей страны. Таким образом, можно считать, что наличие гражданства не делает людей более законопослушными по сравнению с иностранной рабочей силой. Из 206 чел. не граждан России 12 не владели русским языком (хотя, как отмечают сотрудники ГУИНа, бытовой русский язык знают все заключенные, в том числе и граждане постсоветского пространства, однако в период следствия требуют, чтобы им предоставили переводчика, так как по-русски они якобы не понимают).

Анализируя результаты социологических опросов, мы сопоставили социально-демографические характеристики всех мигрантов, а также тех, кто оказался в местах лишения свободы. Среди вынужденных переселенцев каждый шестой являлся пенсионером. В числе трудовых мигрантов эта категория не выявлена. Согласно проведенному опросу, 36% респондентов относились к «молодежи», 54% опрошенных находились в трудоспособном возрасте. Высокая доля молодежи среди мигрантов совпадает с возрастной структурой края. У осужденного контингента доля лиц в возрасте от 18 до 30 лет составляет 45,5% (220 чел.), вдвое на момент совершения преступления не достигли 18-летнего возраста. В целом возрастной состав мигрантов, совершивших противоправные действия, совпадает с общероссийской тенденцией.

Как особенность можно отметить, что в местах лишения свободы отсутствуют лица пенсионного возраста. Видимо, воспитание в период советских ценностей и наличие небольшого, но стабильного дохода в виде пенсии является аргументом в пользу законопослушного образа жизни.

Образовательный уровень осужденных иммигрантов значительно отличался от образовательного уровня вынужденных переселенцев 90-х годов. У опрошенных нами вынужденных переселенцев полное среднее и выше образо-

вание имели 100%. Из тех, кто отбывал наказание, полное среднее и среднее специальное имели 49,2% (238 чел.), высшее и неполное высшее — 2,7% (13 чел.), неполное среднее и начальное — 11,6% (56 чел.). Можно констатировать, что люди с высшим образованием также встают на преступный путь.

Сравнительный анализ профессионального состава всех мигрантов и тех, кто отбывает наказание, такое: в числе вынужденных переселенцев в основном были представители интеллигенции (врачи, учителя, инженеры и т. д.). Профессии заключенных значительно отличаются от профессий вынужденных переселенцев, но у них есть сходные черты с мигрантами предшествующего (1970—1980) периода. Мигранты, отбывавшие срок, имели специальности: механизаторские (трактористы, шоферы, бульдозеристы), на втором месте специалисты по дереву (плотники, столяры). Много осужденных, владевших строительными специальностями (каменщики, штукатуры, маляры, в том числе один инженер-строитель). Среди специальностей, не отмеченных в 70—80-е годы прошлого столетия, имеются пекари, швецы, электрогазосварщики, крановщики, а также рефмеханик, кузнец, токарь, инженер-энергетик, технолог. Есть и высококвалифицированные кадры: филологи (4 чел.), экономисты (2 чел.), юрист, переводчик со знанием корейского, латышского языков, менеджер, бухгалтер. В местах лишения свободы находится 1 крестьянин (гражданин КНР).

Можно предположить, что наличие семьи является сдерживающим фактором. Так, 37,4% (181 чел.) осужденных иммигрантов состоит в браке, в том числе 100 браков являются юридически оформленными и 81 — гражданский брак. Более 70% (127 чел.) имеют детей. И все-таки, несмотря на то, что каждый третий имел семью, 60,2% (291 чел.) отбывают наказание по тяжелым или особо тяжелым преступлениям. Анализ только одной колонии показал, что из 45 осужденных одному вынесено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года, шестерым — от 3 до 5 лет, остальным — от 6 до 24 лет.

Возможность работать на российской территории граждан других государств (Китай, Вьетнам и др.) расширила национальный состав заключенных. Наиболее полные данные пришли из трех колоний. Здесь большая доля (80%) была представлена русскими. Второе место занимали этнические мигранты: азербайджанцы (7 чел.), лезгины (2), кабардинцы и грузины (1 чел.). На третьем месте находились китайцы (3 чел.) и корейцы (2 чел. из КНДР, 1 — из Южной Кореи). Далее следуют по одному человеку татарской, цыганской, таджикской, иранской национальностей и российский кореец.

Конфессиональный состав осужденных представлен следующим образом. Доля верующих составляет 39,3% (190 чел.), из них 152 чел. — православные христиане, 30 — мусульмане, 6 — католики и 2 чел. — буддисты (1 — гражданин КНР, 1 — русский). К сожалению, неизвестно, как отправляют свой религиозный культ буддисты, католики и мусульмане, но доподлинно известно, что колонии регулярно посещают представители Русской православной церкви и корейские пасторы.

Результаты социологических опросов показали, что мигранты постсоветского периода, независимо от статуса (экономический мигрант или вынужденный переселенец*) предпочитали ехать туда, где имелись родственные связи. Так, 42% вынужденных переселенцев отметили, что выбрали Приморье в качестве нового места жительства потому, что здесь проживали родственники. Среди лиц, отбывающих наказание, наличие родственников отметили 45,5% (219 чел.).

Очевидно, когда у заключенных заканчивается срок пребывания в колонии, перед ними встает вопрос: где остаться жить? Уже сейчас можно го-

* Более подробно см.: Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н. и др. Этномиграционные процессы, в Приморском крае в XX в.

ворить о том, что большая часть «осядет» в Приморье: у кого-то здесь родственники, кто-то завяжет в лагере новые знакомства, особенно на почве общности (национальность, землячество и др.).

Другая причина выбора Приморья в качестве постоянного места жительства состоит в том, что при нынешней минимальной загруженности колоний работой, заработная плата за весь срок пребывания составляет 1 700—1 800 руб.¹¹, при этом стоимость билета, к примеру, до Хабаровска (февраль 2003 г.) колеблется от 600 до 900 руб.

Еще одной причиной можно назвать относительно благоприятные, по сравнению с другими субъектами ДВФО климатические условия. Из 24 колоний 21 находится в южной части Приморья (Партизанский, Шкотовский, Артемовский, Находкинский, Уссурийский, Михайловский районы) и три — в центральных районах края (Спаский и Чугуевский). В районах, приравненных к Крайнему Северу, такие учреждения отсутствуют. Отмечается непосредственная близость колоний к небольшим городам и поселкам, что является следствием создания советской пенитенциарной системы и использования труда заключенных на стройках и производстве. Так, в 1960—1980-х годах закрытые административно-территориальные образования Большой Камень и Фокино от фундамента до отделочных работ на 100% были возведены лицами, отбывавшими наказание.

Определенная часть заключенных задумывается о своей дальнейшей судьбе: из 206 чел., не имеющих российского гражданства, 47 чел. изъявили желание стать россиянами. Следует отметить, что сроки их пребывания в колониях заканчиваются в 2003—2005 гг. Социальным службам ГУИН предстоит оказать им помощь в получении гражданства, жилья и трудоустройстве.

Проблема изучения девиантного поведения среди мигрантов не ограничивается только вышеназванными аспектами. В дальнейшем хотелось бы получить более полную информацию обо всех мигрантах, отбывающих наказание; расширить географию исследования всех районов южной части Дальнего Востока; рассмотреть возможности их адаптации после освобождения, сделать сравнительный анализ характера преступлений и т. д.

¹ Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 20, 45—47.

² Социология в России (под ред. В.А. Ядова). М., 1998. С. 604—605.

³ О социальных и криминогенных последствиях вынужденной миграции в южных районах России // Социологические исследования. 1998. № 5.

⁴ Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 104—114.

⁵ Аналитический отчет Территориального органа Министерства РФ в Приморском крае. Текущий архив. 2000.

⁶ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморском крае в XX в. Владивосток, 2002. С. 189.

⁷ Галушко Е. ГУИН не ГУЛАГ, но лучше на него смотреть со стороны // Дальневосточный капитал. 2002. № 7. С. 56.

⁸ Гишинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля: краткий очерк // Рубеж. 1992. № 2. С. 53.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ Аналитический отчет Территориального органа...

¹¹ Галушко Е. ГУИН не ГУЛАГ... С. 56.

Summary. The authors of the article «Migrants' Deviant Behavior» Larisa Gerashimova and Uliana Velikanova raise a problem of deviant behavior, characteristic of migrants.

The authors consider the deviant behavior (some deviation of norms) as natural and necessary result of socium evolution but not as pathology. As an example there is analyzed the number of convicted migrants and their social-demographic features.